Ибн-Мискавейх о походе Русов в Бердаа в 332 г. = 943/4 г.[1]

О походе Русов в Бердаа в 943/4 г. известно в исторической литературе давно. Впечатление, произведенное Русами было столь велико, что память о нем в мусульманском мире сохранилось надолго. Еще несколько лет тому назад считалось, что наиболее подробное описание похода 943/4 г. в Бердаа имеется у арабского историка Ибн-ал-Асира (ум. в 630 г. = 1233 г.). Рассказ Ибн-ал-Асира полон интересных деталей, которые не раз останавливали на себе внимание исследователя. Но Ибн-ал-Асир не был современником описываемого события и отделен от него почти тремя столетиями.

Еще академик Куник, который был всегда в курсе того, что сделано современной ему ориенталистикой, поставил вопрос: «из какого источника Ибн-ал-Асир взял 332 г.? Весь его рассказ такого рода, что его мог написать только хорошо знакомый с положением дел на Кавказе». Теперь, спустя полвека, мы, если и не можем дать окончательного ответа, то близки к нему.

Несколько лет назад английский ориенталист проф. D. S. Margoliouth в «Bulletin of the School of Oriental Studies, London Institution» за 1918 г. поместил статью под заглавием: «The Russian seizure of Bardha'ah in 943 A. D.».

В этой статье был дан перевод отрывка исторического сочинения Ибн-Мискавейха كتاب تجارب الأمم (книга испытаний народов), заключающий подробный рассказ о походе Русов в Бердаа в 332 г. х.

В 1921 г. появилось и само сочинение Ибн-Мискавейха (текст и перевод). Текст издан H. F. Amedroz, а перевод сделан D. S. Margoliouth'ом.[2]

---

[1] Доклад, прочитанный в Подкомиссии для изучения связей древней Руси с Византией и Востоком, 17 февраля 1926 г.

[2] The Eclipse of the Abbasid Caliphate. Ed., transl., and elucid., by Amedroz and Margoliouth. The concluding portion of the « Experiences of the nations » by Miskawaihi. Oxford, 1921.

В указанном сочинении Ибн-Мискавейха под 332 г. х. находится большой рассказ, посвященный подробному описанию похода Русов в Бердаа. Описание невольно привлекает к себе внимание рядом интересных деталей, которые обнаруживают прекрасное знакомство автора как с политической жизнью прикаспийских областей, так и ходом самого события. В конце своего описания автор говорит: «слышал я от тех, кто был свидетелем этой Русии, удивительные рассказы». Возникает вопрос, кому приписать эти слова, как и весь рассказ? Является ли их автором вышеупомянутый Ибн-Мискавейх, или они принадлежат кому-то другому, у кого первый и почерпнул интересующее нас описание? Будучи чиновником на службе Буидской династии, Ибн-Мискавейх (ум. в 421 г. = 1030 г. н. э.), хорошо знал жизнь кавказских провинций, расположенных на южном и юго-западном побережьях Каспийского моря, т.-е. Табаристана, Гиляна, Дейлема, Азербейджана. И хотя умер он через 87 лет после похода Русов на Бердаа, однако имел полную возможность познакомиться с подробностями этого похода от его современников и даже свидетелей. В своей статье «Новая рукопись пятого тома истории Ибн-Мискавейха»[1] акад. И. Ю. Крачковский пишет: «С другой стороны, после того периода, до которого доведена история ат-Табари, Ибн-Мискавейх является почти единственным источником, относящимся к такому раннему периоду. Кроме того можно считать установленным, что среди его материалов по истории халифата с эпохи ал-Муктадира (295—320/908—932) была какая-то полная хроника, не известная нам ближе».

Опираясь на вышеприведенное авторитетное мнение, можно с большой долей вероятности утверждать, что слова «слышал я от тех, кто был свидетелем этой Русии, удивительные рассказы», как и весь рассказ принадлежат самому Ибн-Мискавейху. А если это так, то тогда описание похода Русов в Бердаа, данное Ибн-ал-Асиром, целиком заимствовано у Ибн-Мискавейха. И это понятно. Вся структура рассказа, порядок изложения событий и расположение деталей убеждают, что первый пересказывает второго.

Переходим к рассказу Ибн-Мискавейха.

«В этом году (332) отправилось войско народа, известного под

---

[1] Известия Имп. Акад. Наук, 1916 г., стр. 540.

именем Русов к Азербейджану.[1] Устремились они к Бердаа, овладели им и полонили жителей его.

Известия о (походе) Русии и о том, как кончилось дело их.

Народ этот могущественный, телосложение у них крупное, мужество большое, не знают они бегства, не убегает ни один из них, пока не убьет или не будет убит. В обычае у них, чтобы всякий носил оружие. Привешивают они на себя большую часть орудий ремесленника, состоящих из топора, пилы и молотка и того, что похоже на них. Сражаются они копьями и щитами, опоясываются мечем и привешивают дубину и орудие подобное кинжалу. И сражаются они пешими, особенно же эти прибывшие (на судах). Они (Русы) проехали море, которое соприкасается со страной их, пересекли его до большой реки, известной под именем Куры, несущей воды свои из гор Азербейджана и Армении и втекающей в море. Река эта есть река города Бердаа и ее сравнивают с Тигром. Когда они достигли Куры, вышел против них представитель Марзубана и заместитель его по управлению Бердаа. Было с ним триста человек из дейлемитов и приблизительно такое же число бродяг и курдов. Простой народ убежал от страху. Вышло тогда вместе с ними (войско) из добровольцев около 5.000 человек на борьбу за веру. Были они (добровольцы) беспечны, не знали силы их (Русов) и считали их на одном уровне с армянами и ромейцами. После того, как они начали сражение, не прошло и часу, как Русы пошли на них сокрушающей атакой. Побежало регулярное войско, а вслед за ним все добровольцы и остальное войско, кроме Дейлемитов. Поистине, они устояли некоторое время, однако все были перебиты, кроме тех среди них, кто был верхом. (Русы) преследовали бегущих до города (Бердаа). Убежали все, у кого было вьючное животное, которое могло увезти его, как военные, так и гражданские люди и оставили город. Вступили в него Русы и овладели им.

Рассказали мне Абу-Аббас-ибн-Нудāр, а также некоторые из исследовавших, что люди эти (Русы) вошли в город, сделали в нем объявление, успокаивали жителей его и говорили им так: «Нет между нами и вами разногласия в вере. Единственно чего мы желаем, это власти. На нас лежит обязанность хорошо относиться к вам, а на вас — хорошо повиноваться нам». Подступили со всех окрестных земель к ним (Русам) мусульманские войска. Русы выходили против них и обра-

[1] Даем рассказ в переводе с арабского языка. The concluding portion of the «Experiences of the nations» by Miskawaihi. Arabic text. Vol. II, 62—67.

щали их в бегство. И бывало не раз так вслед за ними (Русами) выходили и жители Бердаа и, когда мусульмане нападали на Русов, они кричали «Аллах велик» и бросали в них камни. Тогда Русы обратились к ним и сказали, чтобы они заботились только о самих себе и не вмешивались бы в отношения между властью и ими (Русами). И приняли это во внимание люди желающие безопасности, главным образом это была знать. Что же касается простого народа и большей части черни то они не заботились о себе, а обнаруживали то, что у них в душах их и препятствовали Русам, когда на них вели нападение сторонники (войска) власти. После того как это продолжалось некоторое время, возвестил глашатай Русов: «Не должен оставаться в городе ни один из жителей его». Дали мусульманам отсрочку на три дня от дня этого объявления. И вышли все, у кого только было вьючное животное, которое могло увезти его, жену и детей его. Таких ушедших было немного. Пришел четвертый день и большая часть жителей осталась. Тогда Русы пустили в ход мечи свои и убили много людей, не сосчитать числа их. Когда убийство было закончено, захватили они в плен больше 10.000 мужчин и юношей вместе с женами, женщинами и дочерьми.

Заключили Русы женщин, и детей в крепость внутри города, которая была шахристаном этих людей (Русов), где они поместились, разбили лагерем свои войска и укрепились. Потом собрали мужчин в мечети соборной, поставили к дверям стражу и сказали им: «Выкупайте себя».

Рассказ о разумном плане, который был предложен одним из них (жителей Бердаа). Не приняли они его, вследствие чего были все убиты и разграблено было имущество их и семьи их.

Был в городе христианский писец, человек большой мудрости, по имени Ибн-Самʿӯн; поспешил он с посредничеством между ними. Сошелся он с Русами на том, что каждый мужчина из них (жителей Бердаа) выкупит себя за двадцать дирхемов. Согласно этому условию выкупили себя наиболее разумные из мусульман, остальные отказались и сказали: «Единственно чего желает Ибн-Самʿӯн это уравнять мусульман с христианами в уплате джизьи».

Уклонился Ибн-Самӯн (от переговоров), отсрочили Русы убийство этих людей (жителей Бердаа), только по причине жадности к тем немногим ценностям, которые они рассчитывали получить с мусульман. После того, как не выпало на долю Русов ничего, подвергли они

мечу и убили всех до последнего человека, кроме небольшого числа, кто убежал по узкому каналу, по которому проходила вода к соборной мечети, и кроме тех, кто выкупил себя с помощью богатств, принадлежащих ему. И часто случалось, что кто-нибудь из мусульман заключал сделку с Русом относительно той суммы, которою он выкупал себя. Тогда Рус шел вместе с ним в его дом или его лавку. Когда хозяин извлекал свое сокровище и его было больше, чем на условленную сумму, то не мог он оставаться владельцем его, хотя бы сокровище было в несколько раз больше того, на чем они сговорились. Он (Рус) склонялся к взысканию денег, пока не разорял совершенно. А когда он (Рус) убеждался, что у мусульманина не осталось ни золотых, ни серебряных монет, ни драгоценностей, ни ковров, ни одежды, он оставлял его и давал ему кусок глины с печатью, которая была ему гарантией от других.

Таким образом скопилось у Русов в городе Бердаа большое богатство, стоимость и достоинство которого были велики. Овладели они женщинами и юношами, прелюбодействовали с теми и другими и поработили их.

После того, как размеры бедствия стали большими, и мусульмане в различных странах прослышали о нем, обратились они к военному призыву. Собрал Марзубан-ибн-Мухаммед войско свое, воззвал к населению с призывом, и пришли к нему со всех окрестных земель добровольцы. Пошел он (Марзубан) во главе 30.000 человек, но не мог сопротивляться Русам, несмотря на большое число собранных им сил, не мог произвести на них даже сильного впечатления. Утром и вечером он начинал сражение и возвращался разбитым. Продолжалась война таким способом много дней и всегда мусульмане были побеждены. Когда дело мусульман утомило их, и Марзубан понял создавшееся положение, обратился он к уловкам и военной хитрости. Случилось ему (на пользу), что Русы после того как завладели Мерагой,[1] набросились на плоды, которых было много сортов, и заболели. Началась среди них эпидемия, ибо в стране Русов очень холодно и не растет там никакого дерева, только привозят к ним небольшое количество плодов из стран, отдаленных от них. После того, как большое число их погибло, а Марзубан размышлял о военной хитрости,

---

[1] В арабском тексте стоит المراغة. Но среди исправлений издатель предлагает поправить это слово на البرذعة. Ср. мнение Margoliouth'a, Bulletin of the School etc., l. c., p. 90, n. 1.

пришло ему на ум, что сможет устроить засаду ночью. Он сговорился с войском своим, что они первые сделают нападение. Когда же Русы пойдут в контр-атаку, то он (Марзубан) обратится в бегство, а вместе с ними побегут и они (мусульмане) и этим возбудят надежду у Русов на победу над регулярными войсками и мусульманами. Когда же бегущие пройдут мимо засады, то Марзубан и войско его нападут на них (Русов) и закричат условленный знак засаде. Когда Русы окажутся в середине (между двумя мусульманскими отрядами) можно будет разбить их. После того, как они приступили к выполнению этой хитрости, Марзубан и его войска выступили вперед. Вышли и Русы, начальник их сидел на осле; вышли и воины его и построились для битвы. В начале все шло как обычно. Побежал Марзубан, побежали и мусульмане, и Русы стали преследовать их, пока не прошли места засады; однако, воины Марзубана все продолжали бежать. Марзубан после рассказывал, что, когда он увидел своих людей в таком состоянии, он закричал и всячески убеждал их вернуться к битве. Но не сделали они этого, ибо страх овладел их сердцами. Тогда он понял, что если мусульмане будут продолжать свое бегство и дальше, то Русы возвратятся и не скроется от них место засады и погибнет тогда она. Сказал Марзубан: «Возвратился я один с теми, кто последовал за мной: с моим братом, приближенными и слугами моими, и решил я умереть мучеником за веру. Тогда устыдилась большая часть дейлемитов и они возвратились, мы снова напали на Русов и закричали (условленный знак) засаде. Вышли тогда те, кто был сзади Русов, мы устояли в битве с ними и убили из них 700 человек. Среди убитых был и начальник их. Оставшиеся (в живых) ушли в крепость, где они поселились и куда свезли в большом количестве пищу и много запасов и где поместили они своих пленников и свое имущество». В то время как Марзубан находился с Русами в состоянии войны и не мог взять их военной хитростью, а только осадой, пришло к нему известие о выступлении Абу-Абдуллаха Хусейн ибн-Са'ида ибн-Хамдана в Азербейджан, о прибытии его в Сальмас и о соединении его с Джафаром ибн-Шакуией Курдом, который был во главе хадаянитских отрядов. Марзубан вынужден был оставить против Русов одного из своих военачальников во главе 500 дейлемитов, 1500 курдских всадников и 2000 добровольцев, а сам отправился в Авран, где и встретил Абу-Абдуллаха.[1] . . . . . .

[1] Пропущена часть не имеющая к Русам прямого отношения.

Не прекращали войска Марзубана войны с Русами и осады до тех пор, пока последние не были окончательно утомлены. Случилось, что и эпидемия усилилась. Когда умирал один из них, хоронили его, а вместе с ним его оружие, платье и орудия, и жену или кого-нибудь другого из женщин, и слугу, его если он любил его, согласно их обычаю.

После того как дело Русов погибло, потревожили мусульмане могилы их и извлекли оттуда мечи их, которые имеют большой спрос и в наши дни, по причине своей остроты и своего превосходства.

Когда уменьшилось число Русов, вышли они однажды ночью из крепости, в которой они пребывали, положили на свои спины все что могли из своего имущества, драгоценностей и прекрасного платья, остальное сожгли. Угнали женщин, юношей и девушек столько, сколько хотели, и направились к Куре. Там стояли наготове суда, на которых они приехали из своей страны; на судах матросы и 300 человек Русов, с которыми поделились они частью своей добычи и уехали. Бог спас мусульман от дела их.

Слышал я от людей, которые были свидетелями этих Русов, удивительные рассказы о храбрости их и о пренебрежительном их отношении к собранным против них мусульманам. Один из этих рассказов был распространен в этой местности, и слышал я от многих, что пять людей Русов собрались в одном из садов Бердаа; среди них был безбородый юноша, чистый лицом, сын одного из их начальников, а с ними несколько женщин-пленниц. Узнав об их присутствии, мусульмане окружили сад. Собралось большое число дейлемитов и других, чтобы сразиться с этими пятью людьми.

Они старались получить хотя бы одного пленного из них, но не было к нему подступа, ибо не сдавался ни один из них. И до тех пор не могли они быть убиты, пока не убили в несколько раз большее число мусульман.

Безбородый юноша был последним, оставшимся в живых. Когда он заметил, что будет взят в плен, он влез на дерево, которое было близко от него и наносил сам себе удары кинжалом своим в смертельные места до тех пор, пока не упал мертвым».

Не подлежит сомнению, что если Ибн-Мискавейх записал свой рассказ со слов современников, как думает D. S. Margoliouth

в вышеупомянутой статье, то Ибн-ал-Асир свое описание мог взять только у него, ибо порядком изложения и расположения деталей Ибн-ал-Асир очень близок ему: это — пересказ и только. О походе Русов в Бердаа кроме Ибн-Мискавейха и Ибн-ал-Асира мы имеем еще ряд известий у восточных писателей, преимущественно у арабских историков. Первую попытку собрать их в русской литературе сделал еще в 1835 г. В. В. Григорьев в статье своей «О древних походах Русов на Восток». Приблизительно через 40 лет академик Б. А. Дорн в своем обширном «Каспии» эту попытку повторил, сделав ряд дополнений. Не считая нужным вновь приводить весь тот материал, мы выделим только существенное, что может пролить новый свет или чем-нибудь дополнить сообщение Ибн-Мискавейха.

Низамеддин Абу-Мухаммед Ильяс ибн-Юсуф Низами, великий поэт Персии, умерший в 1203 г., всю жизнь проживший в Гендже недалеко от Бердаа, в «Искандер-Намэ» в форме поэмы, где фантазия причудливо переплетается с исторической действительностью, дает рассказ о походе Русов в Бердаа. Несмотря на всю фантастичность построения поэмы (Александр Великий сражается с Русами), и из нее можно извлечь несколько ценных зерен.

Якут (ум. в 626 г. = 1229 г.), автор географического словаря, современник Ибн-ал-Асира, в главе о Русах посвящает походу их в Бердаа следующие несколько строк: «И они (Русы) — те самые, которые втечение года владели Бердаа и опустошили его, пока Аллах не освободил его и не погубил их».[1]

Абу-л-Фида (ум. в 732 г. = 1332 г.) дает очень краткое сообщение о походе на Бердаа. Новым является сообщение о том, что Русы «прежним путем возвратились во-свояси».

Ибн-Халдун, живший на грани XIV и XV веков (ум. в 808 г. = 1406 г.), дает тот же рассказ, однако есть у него и новое.[2] Так он говорит: «Русы — один из тюркских народов, он живет по соседству от Рума и принял также христианскую веру с весьма древних времен. Земля их граничит с областями Азербейджана».[3]

Откуда взял Ибн-Халдун известие о тюркском происхождении Русов, и почему страна их граничит с Азербейджаном, остается мне неизвестным.

---

[1] Якут, Большой Словарь, изд. Вюстенфельда, т. II, стр. 834.
[2] В. В. Григорьев, Россия и Азия, стр. 21.
[3] Б. А. Дорн, Каспий, стр. 516.

Айни (ум. в 1453 г.) дает вкратце известный уже нам рассказ, не прибавляя ничего нового.

Несколько в стороне стоит рассказ Абу-л-Фараджа (Бар-еврей), (ум. в 1286). Он говорит: «В тот год, когда он, т.-е. халиф Мустакфи, в 333 (= 944 г.) начал царствовать, вышли разные народы: аланы, славяне и лезги, проникли до Азербейджана, взяли город Бердаа и, убив в нем 20.000 человек, ушли назад».[1]

В этом кратком сообщении все является новым: дата дана не 332 г., а 333 г., действующими в набеге являются не Русы, а аланы, славяне и лезги, наконец, интересна и цифра убитых — 20.000 человек. Откуда почерпнул свои сведения Абу-л-Фарадж, пока остается неизвестным.

Из вышеприведенных сообщений, наиболее ценным для нас является указание Якута о пребывании Русов в Бердаа втечение целого года.

Совершенно особняком стоит рассказ Моисея Каганкатваци, жившего в конце X века и оставившего нам историю Агвании, т.-е. той области, которая при мусульманах называлась Арраном и столицей которой была Бердаа.

В конце XI главы своей книги он помещает следующие слова: «В продолжение этого времени ослабевает народ таджиков[2] и является новый народ — гелемеки (дейлемиты). Начальник их Салар распространил власть свою и покорил Агванию, Персию и Армению. Он прибыл в Партав (Бердаа), покорив его себе. В то же время с севера грянул народ дикий и чуждый — Рузики; не более как в три раза они подобно вихрю распространились по всему Каспийскому морю до столицы Агванской, Партава. Не было возможности сопротивляться им. Они предали город лезвию меча и завладели всем имуществом жителей. Тот же Салар осадил их, но не мог нанести им никакого вреда, ибо они были непобедимы силой. Женщины города, прибегнув к коварству, стали отравлять Русов; но те, узнав об этой измене, безжалостно истребили женщин и детей их, и пробыв в городе 6 месяцев, совершенно опустошили его. Остальные, подобно трусам, отправились в страну свою с несметной добычей».[3]

Автор этого рассказа М. Каганкатваци был родом из Каган-

---

[1] Б. А. Дорн, Каспий. стр. 515.

[2] Под таджиками в данном случае автор подразумевает арабов.

[3] Моисей Каганкатваци, История Агваи Перевод К. Патканьяна, стр. 275—276.

кайтука, селения, которое было близко расположено от города Бердаа. Его известие для нас чрезвычайно ценно, ибо оно самое раннее сообщение о походе Русов на Бердаа в 332 г. = 943/4 г. Моисей Каганкатваци мог вполне быть современником и даже свидетелем интересующих нас событий. Он также рассказывает о сроке пребывания Русов в Бердаа. Говорит он о 6 месяцах. Надо думать, что эта цифра более правильна, чем сообщение Якута о целом годе.

Прежде чем перейти к анализу некоторых мест подробного рассказа Ибн-Мискавейха следует остановиться на г. Бердаа и на области Арран, столицей которой он является. В настоящее время города не существует. Находятся лишь развалины, лежащие недалеко от впадения Тертера в Куру. Имя Бердаа сохранилось в селении, лежащем рядом с развалинами, когда-то большого и богатого города. О Бердаа сохранились рассказы как в армянской, так и арабской историко-географической литературе. В нашу задачу не входит дать очерк истории этого города. Поэтому мы ограничимся только тем, что даст нам возможность представить в общих чертах хозяйственную жизнь области и ее столицы. Название Арран изучаемая нами область получила при мусульманах. В античные времена область называлась Албанией. По словам Страбона[1] «Кирос (Кура) и другие в него впадающие реки, протекая через Албанию, оплодотворяют ее, но в то же время и отчуждают ее от моря. Масса наносного ила запружает ее ложбину так, что островки, находящиеся невдалеке, превращаются в материк и образуют множество непроходимых отмелей. Говорят Кирос впадает в море 12-ю устьями, из которых, некоторые глухи, а другие до того мелки, что не допускают сообщения...

Недалеко от него (Кироса) вливается в море стремительно протекающий из Армении Аракс, которого ложбина всегда судоходна. Аракс течением своим очищает ил, беспрестанно наносимый Курою».

Это место определенно говорит, что в первом веке нашей эры Кура не была судоходна и что Аракс имел самостоятельный выход в море, чего нет впоследствии. Переходя к жителям области, Страбон говорит:

«Албанцы занимаются скотоводством, ведут жизнь пастушескую, но не дикую; поэтому они не очень воинственны».

Но скотоводство не является их единственным занятием: знают они и земледелие. Земля «без всякого со стороны человека попечения,

---

[1] Описание Албании по Страбону, Приложение к Моисею Каганкатваци, История Агван. Перевод К. Патканьяна. 1861, стр. 354—355.

без возделывания и посева, дает плоды, как о том говорят бывшие там воины, которые рассказывают о какой-то циклопской жизни. Раз засеянное поле во многих местах дает две жатвы, иной раз три, а в первый раз даже сам 50. Все это без пара и железных плугов, только вспахав деревянным плугом. Вся эта долина орошается реками и водой более, чем Вавилония и Египет, так что она имеет постоянно зеленый цвет и содержит прекрасные луга. В этой стране и воздух лучше. Виноградные лозы не покрываются, а обрезываются каждые пять лет. Эти лозы дают плод на втором году... Люди также отличаются красотой и ростом; они честны и правдивы. Деньги у них едва в употреблении. Они не умеют считать далее ста и занимаются меновой торговлей. К другим потребностям жизни они равнодушны. Им незнакомы точные весы и меры».

Города Бердаа в описываемое Страбоном время еще не было. Построен он несколько столетий спустя. По словам арабского географа Ибн-ал-Факиха[1] (писал в самом начале X в.), г. Бердаа выстроен по приказу персидского царя из династии Сасанидов Кобада (488—531), следовательно на грани между V и VI вв.

Несколько иную дату дает Моисей Каганкатваци, вышеупомянутый армянский писатель X в. Вот что он говорит:[2] «Вече (агванский царь) по повелению Пероза,[3] царя персидского, построил великий город Перозапат, который называется теперь Партав».

Если принять более правильным последнее сообщение, то «основание» города передвинется на несколько десятилетий раньше. Во всяком случае в начале VI в. н. э. город Бердаа уже существовал. Он был столицей целой области, даже царства, известного до прихода арабов под именем Агвании.

Со времени Страбона прошло 9 ½ веков, и армянский писатель конца X в. Моисей Каганкатваци в своей истории Агван так описывает земли, известные прежде под именем Албании.

«Благорастворена и прекрасна страна Агван по всевозможным выгодам... Великая река Кур стремительным течением приносит с собой множество огромных и малых рыб. Она, разгуливая, протекает и впадает в Каспийское море. Поля вокруг нее изобилуют хлебом, вином, нефтью, солью, шелком и хлопчатой бумагой; не-

---

[1] Ибн-ал-Факих, Biblioth. Geograph. Arab. (=BGA), ed. De Goeje, т. V, стр. 287.

[2] М. Каганкатваци, История Агван. Перевод Патканьяна, стр. 32.

[3] Пероз (Фируз) царствовал с 459 по 484 гг.

сметное число оливковых деревьев; в горах добывается золото, серебро, медь и желтый ладан. Есть и хищные звери: львы, тигры, барсы, дикие ослы и множество птиц: орлы, соколы и подобные им. Главный город Агвании — великий Партав (Бердаа)».[1]

За 9 $^1/_2$ веков, которые прошли от Страбона до Моисея Каганкатваци, многое изменилось в культурной жизни старой Албании. Полускотоводческая и полуземледельческая, страна эта в хозяйственном отношении продвинулась значительно вперед. Выработка шелковых и хлопчато-бумажных тканей являлась, по всей вероятности, одной из главных хозяйственных статей. Немалое место в производственной жизни области занимала добыча и выделка металлических изделий из золота, серебра и меди.

Богатая и культурная, имеющая христианское население, бывшая одно время местопребыванием патриаршего престола (Партав), Агвания не знала однако политической независимости. Географическое положение создавало ей очень большие затруднения. На юг от нее лежала Сасанидская Персия, а на север полукочевые, полуоседлые хазары. Находясь на большой торговой дороге, которая соединяла не только отдельные области Кавказа, но и отдаленные страны восточной Европы, с одной стороны, и Персии, с другой, Агвания была для всех соседей куском, который сильно к себе притягивал. Большей частью Агвания была в подчинении у Персии. Однако иногда приходилось склоняться перед воинственными хазарами, которые, пройдя великую Дербентскую стену, подвергали земли ее самым жестоким опустошениям.

Не раз нападали на Агванию и византийцы.

Характерным и вместе очень тяжелым выдался 628 г., год насильственной смерти Хосроя II (590—628). В этом году напали на Персию византийцы.

«Войско греческое, по словам М. Каганкатваци,[2] в несметном количестве пришло и расположилось в области Ути,[3] близ потока на границах села Каганкайтука. Оно попрало и опустошило прекрасные сады и поля, через которые проходило».

Вскоре по приглашению византийского императора Ираклия с севера пришли хазары, которые были союзниками греков.

---

[1] Моисей Каганкатваци, История Агван, стр. 102.

[2] Там же, стр. 5—6.

[3] Ути — местность в Агвании, в которой и находился город Партав.

«Когда страшная весть эта, пишет М. Каганкатваци, достигла Агвании, то некий Гайшах, присланный Хосроем управлять страной, хотел укрепить страну нашу и великую столицу Партав. Поэтому он заключил в ней жителей окрестных областей и усиленный согласием вельмож страны нашей и жителей городов, хотел держаться против хазар. Но он видел, что произошло с защитниками великого города Чога[1] и с войсками, находящимися на дивных стенах,[2] для построения которых цари персидские изнурили страну нашу, собирая архитекторов и изыскивая разные материалы для построения великого здания, которое соорудили между горой Кавказом и великим морем восточным. При приближении всемирного бича, который предстоял нам всем, прежде всего волны колеблющегося моря ударили в нее и разрушили до основания. . .

Глаз их (хазар) не щадил ни прекрасных, ни милых, ни молодых из мужчин или женщин; не оставлял в покое даже негодных, безвредных, изувеченных и старых; они не жалобились, и сердце их не сжималось при виде мальчиков, обнимавших зарезанных матерей; напротив, они доили из грудей их кровь, как молоко. Как огонь проникает горящий тростник, так входили они в одни двери и выходили в другие, оставив там деяния хищных птиц и зверей; тогда только волны двинулись на нас».[3]

Партав не мог устоять против соединенных сил греков и хазар, и обезумевшие от страха жители поспешили скрыться в гористой области Арцаха.

Вышеприведенное описание чрезвычайно характерно.

Бердаа не раз в своей истории испытывает набеги и опустошения, и поход Русов в 943/4 г. был только наиболее сильным и тяжелым из них.

После разгрома, который нанесен был арабами Сасанидской Персии, Агвания должна была переменить себе государя.

Как раньше Хосрои, так теперь Омейядские, а потом Аббасидские халифы становятся верховными владыками Агвании. Однако,

---

[1] Чога — Дербент (Баб-ал-Абваб арабских географов).

[2] «Дивные стены» — целая система укреплений, защищающих культурные области южного и юго-западного Кавказа от кочевников, напирающих с севера. Это, так называемые, Дербентский проход и Аланские ворота (Дарьяльское ущелье).

Подробное описание их у арабских географов — Ибн-ал-Факих, BGA, ed. De Goeje, т. V, стр. 286—287; Maçoudi, Les prairies d'or, т. II, стр. 2 и др.

[3] М. Каганкатваци, стр. 104—105.

положение области мало изменилось. Борьба которую вели за обладание Кавказом арабы и хазары, не могла не отразиться на Агвании. Как и прежде, страна подвергалась опустошению. Иногда ей приходилось очень тяжело, ибо по словам М. Каганкатваци «усиливались требования податей в стране нашей и более в восточных пределах, ибо князь Вараз-Трдат платил трем народам: хазарам, таджикам[1] и грекам».[2] В середине VIII в., в самом начале власти Аббасидов Партава почувствовала на себе крутой поворот в политике халифата. По словам М. Каганкатваци[3] «Остервенелые исмаильтяне-агаряне завладели всем изобилием земли: море и суша повиновались предтечам антихриста и детям гибели. Это было большим несчастием для отечества нашего Агвании, ибо таджики отняли от князей агванских столицу Партав, по скверному своему грабительству, и как в прежней столице владычества своего, в Дамаске сирийском, так и теперь в Агвании, в Партаве, основали местопребывание свое для высасывания изобилия земли».

Итак, перед приходом Русов Бердаа во власти мусульман уже находилась около 200 лет.

Не подлежит никакому сомнению, что город этот за указанное время не мог в корне изменить своего населения. Наряду с мусульманами, там несомненно было много христиан, ибо надо думать, многие из прежних жителей ислама не приняли.

Во всяком случае, еще во второй половине VII в., по словам М. Каганкатваци, в городе было много храмов,[4] среди которых выделялась великая церковь св. Григория.[5]

Перейдем теперь к тем сведениям, которые дают о Бердаа арабские географы. Страна у них носит другое название: не Агвания, а Арран.

Впервые подробный рассказ о Бердаа встречается у Истахри (писал около 951 г.).

«Что касается Бердаа, то он город очень большой. Величина его будет больше чем фарсах на фарсах. Климатом он здоров, плодороден, обилен очень пашнями и плодами.

Нет между Ираком и Хорасаном после Рея и Исфагана города

---

[1] Автор под таджиками подразумевает арабов.

[2] М. Каганкатваци, стр. 253.

[3] Там же, стр. 265.

[4] Там же, стр. 179.

[5] Там же, стр. 260.

большего, нет более плодородного, нет более прекрасного местом и удобствами, чем Бердаа».[1]

Перечисляя прекрасные и разнообразные плоды садов Бердаа, отмечая особые сорта рыб, которые водятся в Куре, Истахри говорит, что в городе и его окрестностях в большом количестве растет никому не принадлежащее дерево «тут», на котором выращиваются шелковичные черви и коконы.

Далее, по словам Истахри, у ворот города, носящих название «ворота курдов» расположен большой рынок, величина которого фарсах на фарсах. В большом количестве стекаются к нему люди и не только из близлежащих, но и отдаленных мест. На рынках производится бойкая торговля. Предметом вывоза, наряду с другими товарами, являются коконы и шелковые ткани. Как характерную особенность города, Истахри отмечает местонахождение казначейства: «Оно в соборной мечети, согласно обычаю Сирии, так как казначейства Сирии находятся в мечетях ее. Казначейство перекрыто (особой) крышей и имеет железные двери; оно на 9 колоннах. Дом правителя рядом с соборной мечетью во внутреннем городе, а рынки в рабаде».[2]

Ибн-Хаукаль,[3] работавший над своим трудом около 976 г., в основу рассказа о Бердаа положил вышеприведенное описание Истахри. Однако, у него есть и ряд дополнений. Есть у него и поправки. Так, по Ибн-Хаукалю, Бердаа отстоит от Куры на расстоянии 3 фарсахов, а не $^1/_3$ фарсаха, как думал Истахри.

Являя в общем почти тот же рассказ, Ибн-Хаукаль в конце своего описания дает и новое, чрезвычайно существенное сведение. Так, описывая достоинства города, он говорит: «Был он (город), в предшествующее время более славным и прекрасным, чем теперь».[4]

А кончает свой рассказ о Бердаа Ибн-Хаукаль следующими словами: «Он (Бердаа) несмотря на разрушения, которые постигли его, (все еще) обилен рынками, гостиницами, банями. Разрушения (же) следовали одно за другим со времен Русии до настоящего времени, из-за притеснения правителей и управления людей, одержимых безумием».[5]

Интересное известие о Бердаа дает персидская «рукопись Туман-

---

[1] Истахри, BGA, ed. De Goeje, т. I, стр. 182.
[2] Там же, стр. 184.
[3] Ибн-Хаукаль, BGA ed. De Goeje, т. II, стр. 240—241.
[4] Там же, стр. 241.
[5] Там же, стр. 241.

ского».[1] Это замечательное сочинение, автор которого вышел из классической школы арабской географической литературы эпохи расцвета, составлено в 372 = 982/3 г. Вот что в нем сказано о Бердаа: «Бердаа город большой, в нем много благ, он столица Аррана, местопребывание правителя той области. У него возделанные и цветущие земли, поля и пашни, и фрукты многие и обильные; там много тутовых (шелковичных) деревьев. растущих по дорогам. Из этого города происходит шелк, прекрасные сорта материй, марена (растение, из которого добывается красная краска), каштаны и кардамон».

Писал о Бердаа и Макдиси, составивший свой труд около 985 г. Его описание. несмотря на краткость, очень содержательно и заслуживает того, чтобы его привести целиком. «Бердаа город большой, (по форме) четырехугольный. Расположен он в равнине. У него есть крепость и простор. Рынки его, собранные вместе, затенены. Сзади рынка находится соборная мечеть. Он (Бердаа) Багдад этой области. Жилища их великолепны, они из обожженного кирпича и гипса. Он (Бердаа) прекрасен, хорош, обилен плодами. Часть колонн соборной мечети из гипса и обожженного кирпича, часть из дерева. У города есть река, она прочищает его. Река Кура находится от него на расстоянии двух фарсахов. Его каналы, близки к нему. Он (Бердаа) превосходен, за исключением того, что окраины его уже разрушены, он мало населени, и пришла в упадок крепость его».[2]

Говорится подробно о Бердаа и в известном арабском географическом словаре Якута (ум. в 626 г. = 1229 г.). Переписав почти дословно описание Истахри, Якут прибавляет от себя интересное замечание.

«*И говорю я — это описание древнее. Что же касается настоящего времени, нет от всего этого ничего. Встречал я людей из Бердаа в Азербейджане. Спрашивал я их о городе их. Рассказали они, что следы разрушения в городе многие, и нет теперь там ничего, кроме того, что (обычно) бывает в селениях: людей мало, дела в расстройстве, бедность очевидная, нужда явная, дома разрушенные совершенно, и разорение, господствующее над всеми*».[3]

Уже сказанного достаточно, чтобы представилась ясная картина

---

[1] Рукопись Туманского, лист 33 а, Азиатскки Музей Академии Наук, n° 605 а.
[2] Макдиси, ed. De Goeje, BGA т. 3, стр. 375.
[3] Якут, Большой Словарь, изд. Вюстенфельда, т. I, стр. 559.

хозяйственной жизни культурной области Аррана и богатой столицы ее, Бердаа.

По словам Истахри, нет между Ираком и Хорасаном после Рея и Исфагана города большего, чем Бердаа, нет более красивого и более плодородного.

А по словам Макдиси, Бердаа — Багдад Кавказа.

Пусть в словах этих есть доля преувеличения, все же остается бесспорным, что Бердаа в первой половине X в. крупнейший город на Кавказе как по своей величине, так и по своему торговому значению. Но Бердаа не являлся единственным местом, где сосредоточена была богатая производственная жизнь края. Вышеупомянутая «рукопись Туманского» в главе об Азербейджане, Армении и Арране сжато, но очень содержательно рисует хозяйство юго-западного побережья Каспийского моря. Здесь, по словам рукописи, большие базары, много местных и иноземных купцов. На рынках в изобилии находятся разные товары, по преимуществу шелковые и шерстяные ткани, готовое платье, например, шальвары, растительная краска, рыба, мед, воск. На базарах можно встретить купцов из Рума, Армении, земли печенегов, хазар и славян, не говоря о народах, населяющих обширные области халифата.[1]

Возьмем несколько примеров, которые покажут нам, на какой высоте было ремесленное производство и торговля указанных областей.

Южнее Бердаа, по дороге на Ардебиль лежал небольшой город Байлакан. Из него вывозят в большом количестве полосатую материю, употребляемую на манер нашего пледа, чепраки, женские головные покрывала и вкусные сладости.

Еще южнее по той же дороге на Ардебиль был город Берзенд. На его базарах продавалось бархатное платье, а в столице Азербейджана Ардебиле выделывалось какое-то цветное платье.

Список промышленных городов можно было бы значительно удлинить, однако описание хозяйственной жизни прикаспийских областей не входит в нашу задачу. Сказанного вполне достаточно, чтобы показать, почему Русов так тянуло именно сюда.

Вернемся к Бердаа. Несомненно это был один из самых богатых городов Кавказа. Если же принять во внимание, что он лежит от Куры, по словам Ибн-Хаукаля,[2] всего лишь в трех фарсахах, а по

---

[1] Рукопись Туманского, лист 32 в., АМ Академии Наук, № 605а.

[2] Ибн-Хаукаль, BGA, ed. De Goeje, т. II, стр. 241.

словам Макдиси,[1] в двух фарсахах, то, учитывая судоходность реки Куры в нижнем течении, станет понятным, почему флотилия Русов в 943/4 г. направилась именно сюда.

Выше мы отметили, что почти все из приведенных арабских географов, рассказывая о г. Бердаа, говорят, что описание их относится к предшествующему им времени, что теперь город в состоянии упадка и даже разрушения. В этом отношении очень показателен рассказ Ибн-Хаукаля. Он писал в 70-х годах X в., следовательно, через тридцать лет после похода Русов на Бердаа. Ему то и принадлежат слова: «*Был он (Бердаа) в предшествующее (нам) время более славным и прекрасным, чем теперь*».[2]

Кончает свое описание Ибн-Хаукаль следующим замечанием:

«(*Разрушения*) *следовали одно за другим со времен Русии и до настоящего времени*. . . ».[3]

В XIII в., по словам Якута, город в полном упадке, строения разрушены, а кругом малочисленное и бедное население. Не подлежит сомнению, что поход Русов положил начало упадку города.

Вспомним рассказ Ибн-Мискавейха. Он говорит, что огромное население города частью бежало, частью было захвачено в плен и обращено в рабство, частью же перебито. А Абу-л-Фарадж, слова которого о походе Русов в Бердаа приведены выше, говорит даже о 20.000 убитых.

Если же к этому прибавить сообщение Макдиси, писавшего около 985 г.: «окраины города (уже) разрушены, он мало населен, и пришла в упадок крепость его»,[4] то станет совершенно ясным, что удар нанесенный Русами в 943/4 г. был очень тяжелым, почти непоправимым. Городу на некоторое время впоследствии удастся возродиться, однако возрождение это будет не настолько решительным, чтобы можно было говорить о возврате былого значения. Есть все основания думать, что упадку Бердаа способствовали и чисто местные условия. Уже Ибн-Хаукаль говорит о притеснении правителей.[5] Несомненно, что те смуты, которыми были охвачены прикаспийские провинции арабского халифата, не могли не отразиться на благосостоянии Азербейджана и Аррана. Столица последнего, Бердаа, не

---

[1] Макдиси, BGA, ed. De Goeje, т. III, стр. 375.
[2] Ибн-Хаукаль, BGA, ed. De Goeje, т. II, стр. 241.
[3] Там же, стр. 241.
[4] Макдиси, BGA, ed. De Goeje, т. III, стр. 375.
[5] Ибн-Хаукаль, BGA, ed. De Goeje, т. II, стр. 241.

могла быть в стороне от событий. Естественно, что в таких условиях набег Русов оказался для жизни богатого города прямо катастрофическим.

Что же теперь на месте этого города?

Академик Б. А. Дорн, авторц енного по своим материалам и обширным комментариям труда о Каспии, знакомый с походами Русов по всей совокупности источников кроме Ибн-Мискавейха, посетил вместе с Бартоломеем в апреле 1861 г. развалины г. Бердаа. Вот что он пишет о своих впечатлениях: [1]

«За несколько верст до Бердаа начался прекрасный лес, в котором цвели и другие деревья, и вообще молодая свежая зелень дерев и кустов восхищала зрение.

Замечательно было множество диких голубей и орлов, летавших частью в лесу, частью в поднебесьи. Незадолго до въезда нашего в Бердаа, нам выехал навстречу владелец этого места, Хусейн Али-Бег. Он проводил нас до самой Бердаа, куда мы прибыли около 11 часов утра. Остатки глиняных стен, простирающихся, как говорят, на несколько верст, свидетельствуют о прежнем существовании жилищ. Дом владельца и башня (گنبذ гумбяз), также лежат среди глиняных стен. Мы слезли с лошадей и тотчас же отправились осматривать развалину. Она состоит из высокого круглого здания в виде башни, носящая в себе явные следы разрушения. При всем том она представляет живописное зрелище своими голубыми кирпичами, образующими рисунок, который похож на الله. С двух сторон, северной и южной, были входы. Внутри находятся, говорят, гробницы, но имена схороненных остались неизвестными, да и самих гробниц не видно. В трех местах мы нашли следы надписей... Г. Ханыков в одной надписи прочел شوال (шевваль) и 722 = 1332 г... Не следует забывать, что г. Ханыков был там 13 лет (1848) ранее нас, когда надписи вероятно эще были в лучшем виде...

После обеда мы отправились на кладбище, старое и новое. На последнем, содержащем только новые могилы, находится также прекрасный гробничный склеп бека, построенный по восточному обыкновению из камня... Оттуда мы пошли к совершенно развалившемуся *гумбязу*, от которого уцелело только нижнее подземелье. Мы спустились в него и нашли, что стены и потолок покрыты разноцветными фигурами, изображающими, кажется, печать Соломона. Оттуда

[1] Б. А. Дорн, Каспий, стр. 473—476.

мы отправились через засеянные поля ко второму кладбищу, где находятся только новейшие гробницы; вокруг него лежат сады с *тутовыми деревьями* (Курсив мой. А. Я.), зеленые ветви которых представляли приятное зрелище. Было там еще старинное имамзаде Ибрагим, относительно которого не сохранилось никаких дальнейших сведений. Но оно служит местом поклонения... Нет никакого сомнения, что раскопки раскрыли бы не мало разных редкостей, но в настоящее время трудно решить, где следует производить раскопки, так как пространство, подлежащее исследованию, простирается на несколько верст. Положение Бердаа восхитительно... Название Арран, которое носила эта местность в прежнее время, теперь совершенно неизвестно. Наша экскурсия, хотя и не увенчалась теми результатами, коих мы ожидали или желали, но мы успели по крайней мере лично убедиться, в том, что едва ли стоит предпринимать туда новую поездку. Мы припомнили с Бартоломеем известное изречение: «sic transit gloria mundi».

Судя по вышеприведенным словам, в Бердаа не сохранилось на поверхности земли ничего, что свидетельствовало бы о городе X в. Все, что находится в развалившемся или полуразвалившемся виде, относится ко времени не ранее XIV в., как гумбяз 722 = 1332 г. Только одни тутовые деревья, как и в X в., в изобилии раскинуты по окрестным садам. Можно с уверенностью сказать, что там еще будет работать археолог и будет вполне вознагражден за свои труды: в земле наверное хранятся остатки не только мечетей, но и христианских храмов, относящихся ко временам за несколько сот лет до прихода Русов туда.

Но вернемся к Русам. Является вопрос: какой дорогой и откуда они пришли?

Ибн-Мискавейх специально об этом не говорит. Однако, у него есть следующее место. Рассказывая о том, как Русы уходили из г. Бердаа, он говорит: «Направились они к Куре, там *стояли наготове суда, на которых они приехали из своей страны*».

Более подробный ответ можно найти у знаменитого персидского поэта XII в. Низами (1141—1203 г.). Всю свою жизнь прожил он в Гендже (Елизаветполе), следовательно неподалеку от Бердаа. Зная местную историю, он был в курсе преданий о походе Русов в 943/4 г. В его своеобразной «Искандер-Намэ», где фантазия и историческая правда сочетаются самым причудливым образом, нашел свое отображение и поход Русов на Бердаа. О них сказано, что пришли они не

одни: с ними были хазары и буртасы; дан и маршрут их. «Бранно-любивые Русы, явясь из земель греков и аланов, напали на нас ночью, как град. Не успев пробить себе дороги через Дербент и его окрестности, они, сев на корабли, устремились в море и произвели бесчисленные опустошения. Возобновив в стране нашей древнюю вражду свою, разграбили и опустошили ее совершенно. Проклятый народ этот разорил все государство Бердаа и *расхитил сей город, исполненный сокровищ*».[1]

Судя по этому месту, Русы высадились где-то на Кавказском берегу Черного моря, горами прошли к Дербенту и, не имея сил пробиться через великую Дербентскую стену, которую охраняли сильные отряды мусульман, сели на суда в гавани Дербента и морем достигли Куры, по которой и поднялись к Бердаа. Но по нашему глубокому убеждению, доверять этой версии ни в какой мере нельзя. Какой смысл Русам бросать суда на Черном море, с трудом пробиваться по горным дорогам Кавказа, и затем строить новые суда в Дербенте? Гораздо легче идти водой, реками Доном и Волгой, старой испытанной дорогой, которая описана Ибн-Хордадбехом, Ибн-ал-Факихом и особенно Мас'уди в его «Золотых россыпях».

Ибн-Хордадбех, географ середины IX в. (писал по определению De Goeje в 846 г., а по определению Marquart в 885/6 г.),[2] в небольшой главе «Путь купцов Русов» дает маршрут водного пути из Восточной Европы к берегам Каспийского моря.

Вот что он пишет: «Они (Русы) — племя из славян, и привозят они меха выдры, меха черных лисиц и мечи из отдаленных окраин Славонии к Румскому морю. Взимает владетель Рума с них десятину. А если идут они по Танаису (تنيس), реке славянской, то проходят мимо Хамлиджа, города Хазарской страны, и владетель его взимает с них десятину. Потом они идут к морю Джурджана и выходят на тот из его берегов, на какой пожелают. Диаметр этого моря 500 фарсахов. Часто везут свои товары до Багдада на верблюдах.... ».

Вышеприведенный отрывок из Ибн-Хордадбеха вызвал целый ряд комментариев, которые далеко между собой не согласны. Не считая нужным вновь подымать вокруг этого места спор, мы даем ему следующее толкование. Румское море — Черное море. Владетель Рума, взимающий десятину, по всей вероятности, губернатор Херсо-

---

[1] Перевод этого места взят у В. Григорьева, Россия и Азия, стр. 30.

[2] Ибн-Хордадбех, BGA, ed. De Goeje, т. VI, стр. 154.

неса (летописного Корсуня), города, принадлежащего Руму. Танаис—Дон, хотя автор статей «К анализу восточных источников о восточной Европе» Ф. Вестберг почти без всякого основания хочет в слове تنيس прочесть آتل.[1]

Таким образом, путь купцов-Русов представляется нам следующим. Суда их спускаются по Днепру в Черное море. Проходя мимо берегов Крыма, они в гавани г. Корсуня подвергаются обложению десятиной, которую взимает с них византийский чиновник. Потом они идут мимо, так называемых, «хазарских климатов»,[2] выходят к Дону (Танаису), и подымаются вверх по нему. В каком-то месте, о нем мы будем говорить ниже, они переходят на Волгу и идут мимо г. Хамлиджа, где с них взимает десятину хазарский чиновник, потом идут в Каспийское море, где, по словам Ибн-Хордадбеха, высаживаются на том из его берегов, на котором пожелают.

Маршрут Ибн-Хордадбеха повторяется у географа самого начала X в. Ибн-ал-Факиха,[3] который делает и существенные дополнения. Сводятся они к следующему: суда купцов (по Ибн-ал-Факиху славян), выйдя к Румскому (Черному) морю идут до города Самкуша (Самкерша) ал-Яхуд, потом возвращаются (назад) к славянам. Что это за город? О нем мы знаем еще из двух хазарских источников.

Один из них—письмо хазарского царя Иосифа от 961 г.[4] к испанскому еврею Хасдая ибн-Шапрут в ответ на запрос последнего о Хазарском царстве. Перечисляя хазарские города, Иосиф упоминает между Саркелом и Керчью город Самкерц. Второй источник — письмо частного лица. Написано оно тоже около середины X в. и принадлежит хазарскому еврею.[5] В нем также упоминается город Самкерш, которым управляет какой-то раб-Хашмоная. Ниже, при разборе отрывка Мас'уди, касающегося похода Русов (после 300 г. х.), мы увидим, что есть все основания думать, что этот хазарский город лежал на месте позднейшей Тмутаракани и представлял собой настоящую таможенную заставу при входе в Керченский пролив. Возвратимся к Ибн-ал-Факиху. Суда купцов-славян дойдя, до Самкерша и

---

[1] Журнал Мин. Нар. Просв., 1908 г.

[2] Города Крымского побережья между Херсоном и Керчю, бывшие с начала VIII в. в подчинении у хазар.

[3] Ибн-ал-Факих, BGA, ed. De Goeje, т. V, стр. 270—271.

[4] А. Я. Гаркави, Еврейская Библиотека, т. VII, стр. 153.

[5] П. К. Коковцов, Новый еврейский документ о хазарах, 1913; Ю. Бруцкус, Письмо хазарского еврея от X в. Еврейская Мысль, т. I, 1922.

совершив нужные торговые сделки, возвращаются назад в земли славян. Но так делают не все: некоторые, по словам Ибн-ал-Факиха, отправляются дальше. Вспомним это место. «Идут они, пишет Ибн-ал-Факих, к морю Румскому, и взимает с них десятину владетель Рума. Потом идут они по этому морю до Самкуша (Самкерш) ал-Яхуд, потом возвращаются назад к славянам или же берут путь от моря Славянского по реке, которая называется славянской, пока не придут к халиджу хазарскому (خليج الخزر).[1] Берет с них десятину владетель Хазара. Потом идут они к морю Хорасанскому и часто выходят в Джурджане и продают все то, что с ними. Доходит все это до Рея. Удивительнее всего то, что он (Рей) есть складочное место (всего) мира».[2] Славянской рекой в арабской литературе называют р. Итиль (Волгу). Получается таким образом некоторая неясность. Каким же образом по его маршруту из Черного моря попадали на Волгу? Не надо забывать, что некоторые из арабских географов, как например Мас'уди, понимали под Волгой и Доном одну реку, имеющую два рукава. Один из них впадает в Азовское море, другой в Каспийское. Несомненно, что, при таком чтении, маршрут Ибн-ал-Факиха совпадает с маршрутом Ибн-Хордадбеха.

Обратимся теперь к Мас'уди (писал в 40 г. X в.). У него мы найдем полное разъяснение всех недоумений. В «Золотых россыпях» есть рассказ, где говорится о походе Русов на юго-западное побережье Каспийского моря. Однако, при чтении этого места, не следует, как это сделал А. Гаркави, обращаться к критически не проработанному тексту Barbier de Meynard. Лучше обратиться к рукописям АМ Академии Наук.[3] Они дадут лучшее чтение, чем то, которое мы имеем у французского издателя, ибо во всех тех случаях, когда у Barbier de Meynard мы имеем запутывающее исследователя بحر (море), в рукописях стоит разъясняющее نهر (река).

Однако, прежде чем перейти к этому месту, нужно остановиться на следующем замечании Мас'уди, сделанном им несколько раньше: «В верховьях реки Хазарской есть место втечения, соединяющееся с рукавом моря Нейтаса».[4]

Как бы ни толковать слово «Нейтас» (Черное или Азовское море), вышеприведенные слова ясно говорят, что, по представлению Мас'уди,

---

[1] Под خليج الخزر Ибн-ал-Факих подразумевает устье реки Волги.

[2] Ибн-ал-Факих, BGA, ed. De Goeje, т. V, стр. 271.

[3] 505 с. а. лист 107а; 505в лист 78; I, 1, 5, № 97, стр. 93.

[4] Maçoudi, изд. Barbier de Meynard, т. II, стр. 15.

Волга и Дон были соединены, и из Черного моря можно было водой попасть в Каспийское.

Теперь перейдем к маршруту и походу Русов после 300 г. х. Перевод даем согласно указанным рукописям.

«Было уже после 300 г. Пришло около 500 судов. На каждом судне было 100 человек. Вошли они в пролив Нейтаса, соединенный с рекой хазарской. Здесь[1] находятся люди хазарского царя, стоящие на страже в большом числе. Они удерживают как тех, кто приходит со стороны этого моря (Нейтас), так и тех, кто приходит со стороны этой суши, суда которой находятся в хазарской реке, соединяющейся с рекой Нейтаса.[2]

Приходят кочевники гузы к этой реке и зимуют здесь. Часто замерзает вода, текущая из реки хазарской до рукава Нейтаса и переходят гузы по ней на конях своих. Вода эта большая и не ломается под ними по причине сильного своего замерзания. Так переходят они в страну хазар. Часто выходит против них царь хазарский, особенно, когда люди, поставленные им на страже, не имеют силы отогнать их и препятствует им перейти по этому льду. Что же касается летнего времени, то нет для турок переправы по этому месту.

После того как пришли суда Русов к людям хазарским, стоящим на страже у устья (вышеупомянутого) пролива, послали они (Русы) к хазарскому царю просить, чтобы им было разрешено пройти через страну его, и спуститься по реке его и войти в хазарское море, которое есть море Джурджана, Табаристана и других персидских стран, как мы упоминали, при условии, что они дадут ему половину от добычи, которую они получат от народов, живущих по этому морю.

Он дал им согласие на это. Вошли тогда они в (вышеупомянутый) пролив, достигли места втечения реки[3] в него и стали подыматься по водяному проходу пока не дошли до хазарской реки и не спустились по ней до города Итиля. Она (река хазарская) есть река великая и обильная водой».

Таково это известное место из сочинения Мас'уди «Золотые

---

[1] В проливе.

[2] В издании Barbier de Meynard (т. II, стр. 12) после слов «со стороны этой суши» идут слова: «которая есть проход от моря Хазарского к морю Нейтаса». В рукописи же № 95, стр. 99, принадлежавшей прежде Учеб. Отд. Вост. Яз. Мин. Ин. Дел, сказано «которая есть место втечения из моря Хазарского, соединяющегося с морем Нейтаса».

[3] Дона.

россыпи» в редакции вышеупомянутых рукописей. Не подлежит сомнению, что флотилия Русов спустилась в Черное море с Днепра. Войдя в Керченский пролив, она прошла мимо таможенных караулов, которые были выставлены недалеко от известного уже нам города Самкерша. Далее Русы поднялись по реке Дону и, переправившись волоком на Волгу (где-то между Калачем и Царицыным), стали спускаться по ней к г. Итилю и затем в Каспийское море. Правда Мас'уди рассказывает о каком-то водном проходе, который соединяет Волгу с Доном, но едва ли можно говорить о каком-то канале. Прав был В. В. Григорьев, когда 90 лет тому назад место это стал толковать, как переправу волоком. Итак, путь разбойного похода Русов на побережье Каспийского моря после 300 г. х. — 912/3 г. н. э. был тот же, что и путь купцов, описанный Ибн-Хордадбехом и Ибн-ал-Факихом. Разбойные дружины Русов не были новаторами и шли по хорошо известной дороге, где исстари совершался оживленный товарообмен между странами Восточной Европы, Кавказа и Персии.

Вернемся теперь к походу Русов на Бердаа, описанному Ибн-Мискавейхом под 332 г. — 943/4 г. Не подлежит сомнению, что путь его лежал по указанной выше водной линии. Русам 943/4 г. незачем, как сказано выше, было бросить суда на Черном море, идти горными дорогами к Дербенту и там строить новые корабли. Целесообразнее было отправиться водным путем. Убеждает нас в этом еще и связь этого похода с походом Игоря на Константинополь. В статье академика П. К. Коковцова «Новый еврейский документ о хазарах и хазаро-русско-византийских отношениях в X в.» приведен в переводе весь сохранившийся текст. В нем есть отрывок, имеющий прямое отношение к изучаемому нами походу. Вот он.

«А Роман (злодей послал) также большие дары Хальгу царю Русии, и подстрекнул его на его (собственную) беду. И пришел он ночью к городу Самкерцу[1] и взял его воровским способом, потому что не было там начальника раб-Хашмоная. И стало это известно булшици, т.-е. досточтимому Песаху, и пошел он в гневе на города Романа и избил и мужчин, и женщин. И он взял три города, не считая большого множества пригородов. И оттуда он пошел на (город) Шуршун. . ., и воевал против него. . . И они вышли из земли на подобие червей. . . Израиля, и умерло из них 90 человек. . . . и он заставил их

[1] В переводе академика П. К. Коковцова стоит Самбарай, но в примечании он считает более правильным чтение Самкерц (стр. 12).

платить дань. И он спас...руки русских и (поразил) всех оказавшихся из них (там и умертвил их мечем). И оттуда он пошел войной на Хальгу и воевал..., и бог смирил его перед Песахом. И нашел он...добычу, которую тот захватил из Самкерца. И говорит он: „Роман подбил меня на это". И сказал ему Песах: „Если так, то иди на Романа и воюй с ним, как ты воевал со мной, и я отступлю от тебя. А иначе я здесь умру или буду жить до тех пор, пока не отомщу за себя". И пошел тот против воли и воевал против Константинополя на море четыре месяца. И пали там богатыри его, потому что македоняне осилили (его) огнем. И бежал он и постыдился вернуться в свою страну и пошел морем в Персию и пал там он и весь стан его. Тогда стали русские подчинены власти хазар». В 1922 г. в «Еврейской Мысли», т. I, появилась интересная статья Ю. Бруцкуса «Письмо хазарского еврея от X в.». В ней дан исторический разбор вышеупомянутого документа. Выводы его, касающиеся чтения приведенного отрывка, сводятся к следующему. Царь Роман — Роман Лакапин, царствовавший с 919 г. по 19 декабря 944 г.; Хальга не Олег, а Игорь; Шуршун — Херсон. Роман Лакапин подбил князя Игоря напасть на хазарский город Самкерш, стоящий на месте будущей Тмутаракани. Игорь собрал войско, напал на Самкерш, и, пользуясь отсутствием начальника раб-Хашмоная, ограбил его. После этого похода «Хазарские климаты» — города, лежащие между Керчью и Херсоном, которые с начала VIII в. находились под верховной властью хазар — отложились от них и перешли на сторону Византии. Когда «булшицы досточтимый Песах» (хазарский губернатор Керченской области) узнал об этом, он пошел на Крым и, жестоко подавив восстание, вернул «хазарские климаты». Потом он пошел войной на Игоря, победил его и предложил ему напасть на Византию. Игорь согласился и воевал против Константинополя 4 месяца. Но «пали там богатыри его, потому что Македоняне осилили (его) огнем». Бежал он оттуда и, постыдившись вернуться в свою страну, «*пошел морем в Персию и пал там он и весь стан его*». Не подлежит сомнению, что толкование текста у Ю. Бруцкуса в основном правильно. Связь похода, описанного выше, с походом Русов на Бердаа в 943/4 г. несомненна. Все у хазарского еврея в его сообщении соответствует действительности. Одно только смущает, что вместо Игоря у него стоит имя Хальга = Олег. Как это могло случиться? Во всем такой точный, как мог он перепутать имя Олега с именем Игоря? Толкование Ю. Бруц-

куса[1] нас не удовлетворяет. Допустимо, однако, предположение, согласно которому, упоминаемый в хазарском письме князь Олег, есть один из воевод Игоря, который и пошел во главе похода на Бердаа.[2] Если это мнение соответствует исторической действительности, то мы можем вполне согласовать сообщение хазарского еврея: «пал он и весь стан его», со словами Ибн-Мискавейха: «среди убитых был и начальник их».

К вышеприведенным соображениям нашим о целесообразности водного пути мы можем присоединить и сообщение хазарского еврея X в.: «*пошел морем в Персию*».

Интересно, как себе представляет сам Ибн-Мискавейх страну, откуда пришли Русы. Рассказывая о начавшейся среди Русов эпидемии, он говорит: «в стране Русов очень холодно и не растет там никакого дерева, только привозят к ним небольшое количество плодов из стран, отдаленных от них».

Не подлежит никакому сомнению, что Русы по его представлению есть тот самый народ, который, по воззрениям Истахри и Ибн-Хаукаля,[3] жил на севере в местах, находящихся между Булгаром и славянами, а по взгляду Ибн-Русте,[4] где-то на покрытом болотами острове, имеющем в длину расстояние трех дней пути, народ, который по «рукописи Туманского»[5] занимал область с востока ограниченную горой Буджнак (печенегов), с юга рекой Рута,[6] с запада славянами, а с севера северной «пустыней».

В согласии со всеми остальными арабскими писателями X в. Ибн-Мискавейх рисует Русов, как народ исключительной храбрости, большой физической силы, огромного роста и т. д.

Очень характерно для Русов, совершавших поход в Бердаа в 943/4 г. еще одно место у Ибн-Мискавейха:

«Когда, пишет он, умирал один из них (Русов), хоронили его, а вместе с ним его оружие, платье и орудия, и жену или кого-нибудь другого из женщин, и слугу его, если он любил, его согласно их обычаю».

---

[1] Еврейская Мысль, т. I, стр. 56—57.

[2] Эта точка зрения была высказана проф. М. Д. Приселковым во время обсуждения настоящего доклада.

[3] Истахри, BGA, ed. De Goeje, т. I, стр. 10; Ибн-Хаукаль, BGA, ed. De Goeje, т. II, стр. 15 (Ибн-Хаукаль это место взял у Истахри).

[4] Ибн-Русте, BGA, ed. De Goeje, т. VII, стр. 145.

[5] Рукопись Туманского. АМ Академии Наук, лист 37 в.

[6] Рута — быть может река Ока?

Прочитывая эти строки, вспоминаешь другой рассказ, а именно рассказ Ибн-Русте:[1]

«Когда умирает кто-нибудь знатный из них, роют ему могилу, подобно обширному дому и кладут его туда. Кладут вместе с ним одеяние его тела, золотые браслеты, большое количество пищи, кувшины с питьем, чеканенную монету. Кладут в могилы вместе с ним и жену, которую он любил, а она еще живая. Закрывается за ней дверь могилы, и она умирает там».

В рассказе Ибн-Мискавейха есть для нас очень ценное место, в известном смысле единственное во всей восточной литературе. Ибн-Мискавейх подробно описывает вооружение Русов.

Это прежде всего мечи (السيف), о которых Ибн-Мискавейх отзывается с большой похвалой. «После того как дело Русов погибло, говорит Ибн-Мискавейх, мусульмане потревожили могилы и извлекли оттуда мечи их, которые имеют большой спрос и в наши дни по причине своей остроты и своего превосходства».

Невольно вспоминаешь слова Ибн-Фадлана в редакции Якута: «Каждый из них (Русов) имеет меч. . . и мечи их — широкие мечи, покрытые бороздами, франкские».[2]

«Рукопись Туманского», упоминая о каком-то городе Уртаб (ارتاب) в стране Русов, говорит, что «из него происходят клинки и мечи большой ценности, которые можно вдвое сгибать и, когда отнимешь руку, они возвращаются в свое прежнее состояние (выпрямляются)».[3]

Кроме мечей Русы, по словам Ибн-Мискавейха, носят привешенными дубину (عمود) и орудие, подобное кинжалу (الدشنى). Ибн-Фадлан о булаве не говорит совершенно, не говорит и о кинжале, зато называет нож (سكّين). Быть может это одно и то же?

В числе других предметов Ибн-Мискавейх упоминает и копье, или дротик (الحربة) и щит (الترس). Совершенно особняком у Ибн-Мискавейха стоят топор (الفاس) и пила (المنشار) и молоток (المطرقة). Эти три предмета он относит к особой группе, которую называет орудиями ремесленника (آلات الصنّاع). Об الفاس (топор) говорит и Ибн-Фадлан, однако не в смысле орудия, а оружия.[4]

---

[1] Ибн-Русте, BGA, ed. De Goeje, т. VII, стр. 146—147.

[2] Якут, Большой Словарь, изд. Вюстенфельда, т. II, стр. 835.

[3] Рукопись Туманского. А. М. Академии Наук, № 605а. лист 38а.

[4] Якут, Большой Словарь, изд. Вюстенфельда, т. II, стр. 835.

Для чего Русы носят подобные орудия (топор, пилу, молотки)? Ответ на этот вопрос дает нам следующее место из рассказа Ибн-Фадлана о Русах в редакции Якута:

«Они (Русы) приходят из своей страны и бросают якорь в Итиле, который представляет собою большую реку. *На его берегу они строят большие деревянные дома. В одном доме собирается их десять, двадцать, также менее или более. . .*».[1]

Нам думается, что этот отрывок дает исчерпывающее объяснение. Русы, уходя в дальние походы, нуждались не только в оружии, но и в таких необходимых орудиях, как топор, пила и молоток. Захватили с собой они эти инструменты и в Бердаа.

Возвращаясь к тексту Ибн-Мискавейха, следует отметить еще одно место. Рассказывая о том, как Русы уходили из Бердаа, он говорит: «направились они к Куре, там стояли наготове суда, на которых они приехали из своей страны». Наряду с этим в «рукописи Туманского» есть очень интересное известие в несколько строк:

«Мубарак (مبارك) есть большое селение у ворот Бердаа. Здесь находился военный лагерь Русов, когда они пришли сюда и захватили Бердаа. Этот Мубарак есть начало границы с Шаки (شكى)».[2]

Сопоставляя эти строки с рассказом Ибн-Мискавейха, можно сделать следующее предположение.

По Ибн-Мискавейху Русы сразу захватили крепость г. Бердаа, где и поместили часть своего войска. Лагерная стоянка по «рукописи Туманского» находилась у самого города, а на реке Куре в 2 фарсахах от города под охраной стояли суда Русов, которые всегда были наготове. Невольно ставишь себе вопрос, когда задумываешься о местах стоянки русского флота: не имеет ли какого-нибудь отношения к походу Русов на Бердаа в 332 г. = 943/4 г. остров с именем «Русия», находящийся, по словам Якута, на Каспийском море против реки Куры?[3]

В заключение хочется сказать несколько слов о месте, которое занимает поход на Бердаа в 332 г. = 943/4 г. среди других походов Русов. Раньше считалось, что это четвертый или, по крайней мере, третий по счету поход. Однако D. S. Margoliouth в вышеупомянутой статье в «Bulletin of the School of Oriental Studies, London Institu-

[1] Якут, Большой Словарь, изд. Вюстенфельда, т. II, стр. 835.

[2] Рукопись Туманского, лист 33а. АМ Академии Наук, nº 605а, На место это обратил мое внимание академик В. В. Бартольд.

[3] Якут, Большой Словарь, изд. Вюстенфельда, т. I, стр. 501. Место это взято Якутом несомненно у кого-нибудь из географов второй половины X в.

tion» в 1918 г. выступил против этого с рядом веских аргументов. По его мнению, набег Русов после 300 г. х. (912/3 г.), описанный Мас'уди, является первым военным выступлением Русов на Каспийском море. На самом деле, Мас'уди, рассказывая об этом набеге, пишет: «Народы, обитавшие около этого моря, с ужасом возопили, ибо им не случалось с древнейшего времени, чтобы враг ударял на них здесь, а прибывали сюда только суда купцов и рыболовов».[1] Поход Русов на Бердаа в 943/4 г. является вторым по счету.

Не подлежит сомнению, что Русы были прекрасно осведомлены о богатстве кавказских народов. По Ибн-Хордадбеху и Ибн-ал-Факиху мы имели возможность убедиться, что купцы с Днепра уже со второй половины IX в. плавали водным путем к берегам Каспийского моря. Вместе с хазарами они и разносили сведения о его богатствах.

Нельзя не присоединиться к очень глубокому наблюдению академика В. В. Бартольда, когда он разно расценивает походы Русов на берега Каспийского моря. Первый поход, описанный подробно Мас'уди и определенный им, как бывший вскоре после 300 г. = 913 г., есть прежде всего набег, преследующий чисто грабительские цели. Русы грабят побережье, не заходя вглубь страны. Совершенно иной характер носит поход на Бердаа в 332 г. = 943/4 г. Это — правильно и продуманно организованное военное предприятие, которое направляется вглубь страны, имея задачей захватить самый богатый город Кавказа. Есть все основания думать, что Русы намеревались остаться там надолго.

Поход 332 г. = 943/4 г. не был последним. Через несколько десятилетий, в 358 г. = 969 г. Русы, по словам Ибн-Хаукаля,[2] разграбили города Булгар, Хазаран, Итиль[3] и Семендер. Указанное место из Ибн-Хаукаля соответствует следующему известию Летописи по Лаврентьевскому списку под 965 г.: «Иде Святославъ на козары; слышавше же козары, придоша противу с князем своим каганомъ, и съступишася битися и бывши брани, одолѣ Святославъ казаромъ и градъ их Бѣлу Вежю взя. Ясы побѣди и косогы».

Здесь мы видим уже настоящее завоевание, которое предпринимает почти сложившееся государство.

А. Якубовский.

---

[1] А. Я. Гаркави, Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, стр. 132 (из перевода отрывка Мас'уди).

[2] Ибн-Хаукаль, BGA, ed. De Goeje, т. II, стр. 14.

[3] Хазаран и Итиль — восточная и западная части города Итиля.